

Та не тільки про майбутні катастрофи попереджує нас автор. Він намагається донести до нас і майбутні перемоги... Наприклад, у степу ведеться робота з будівництва каналу, який принесе у спекотні та сухі таврійські степи жадану воду. «Мине час, і вже буде тут русло, блискотітиме аж за обрій світла дніпровська вода, тихо линучи в степ, напуваючи довколишні поля» [1, с.586].

Герої роману О.Гончара живуть і працюють заради майбутнього, кожен з них обирає свій шлях у житті і намагається бути патріотом своєї справи. Але, куди б не занесло героїв роману, їм всюди буде звучати мелодія рідного краю – ніжний і сумовитий дзвін тронки.

Джерела та література

1. Гончар О.Т. Вибрані твори. – К.: Дніпро, 1968.
2. Гончар О.Т. Из щоденникових записів... // Кримська світлиця. – 2000. – № 27-28.
3. Жулинський М.О. Гончар О. – творчість як доля // Українська мова і література в школі. – 1991. – № 11-12.
4. Ковальчук О. О.Гончар – митець сучасний // Диво слово. – 2002. – С. 2-3.
5. Сологуб Н.М. Мовний світ О.Гончара. – К.: Наукова думка, 1991.
6. Шелак М. «Тронка» О.Гончара // Українська мова і література в школі. – 1979. – № 8.

Поступила до редакції 13.07.2005 р.

УДК 821.161.1-3

Раковская Н.М.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ АП. ГРИГОРЬЕВА (К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

В статье рассматривается концепция одного из крупнейших критиков сер. XIX в. – Ап. Григорьева. Определяется противоречивость его теоретических суждений, проявляющаяся в лексико-семантической структуре критического текста. Делается акцент на мифопоэтическом начале органической теории искусства Ап. Григорьева, который реализуется в интерпретации им художественной индивидуальности писателя.

Ключевые слова: мифокритика, органическая теория, ментальность

У статті розглянуто концепцію одного з найвідоміших критиків сер. XIX ст. – Ап. Григор'єва. Визначається протирічність його теоретичних суджень, яка проявилась у лексико-семантичній структурі критичного тексту.

Ключові слова: міфокритика, органічна теорія, ментальність

The article deals with the conception of one of the greatest critics of the middle of the XIX c. A. Grigoryev. There determined the contradictions of his theoretical views, manifested in the lexic semantic structure of the critical text. The stress is made on the mythologic poetic beginning of the organic theory of art, which is realised in the interpretation of artistic individuality of the writer.

Key words: criticism of myth, organic theory, mentality

Ап. Григорьев относится к тем мыслителям и критикам, которые исходили из религиозного мировоззрения. Он стремился создать систему понятий, соответствующих «духу» Православия, вместе с тем не избегая интереса к западноевропейской философии. В философской мысли критик становится «искателем Абсолютной духовной идеи», вследствие чего перед его душой раскрывались «громадные миры» [2, с.2], связанные целостностью мысли и чувства, складывались представления об органической целостности «в бытии» в целом и во всех его живых проявлениях. В тяготении к Православию очевиден ментальный аспект и вместе с тем эстетический. «Под Православием, – писал критик, – я разумею стихийно-историческое начало, которому суждено жить и дать новые формы жизни» [1, с.107]. Сопоставляя данное суждение с иным – «все идеальное есть не что иное, как аромат и цвет реального», становится ясен интерес Ап. Григорьева к национальной стихии. Именно религиозная сфера является основой художественной реальности, ее «ароматом и цветом», указывал критик. Отсюда увлечения христианским натурализмом, на основе которого Ап. Григорьев создает «органическую теорию» искусства.

Вместе с тем следует отметить, что поиски Абсолюта приводят Ап. Григорьева к постижению философии Гегеля и Шеллинга. Усвоив от Гегеля интерес к философскому осмыслению мира, Ап. Григорьев отказался от рационализма философа. «Для меня жизнь есть нечто таинственное, то есть неисчерпаемое, необъятная ширь, в которой нередко исчезает, как волна в океане, логический вывод» [1; 2, с.176]. Критик ощущает «глубокую вражду ко всему, что вырастает из голологического процесса».

«Диффузная» целостность творческой мысли Ап. Григорьева, соединявшая в его статьях в нераздельное единство искусство и жизнь, не допускала не только автономно-художественного восприятия произведений литературы, но и отрицала всякий морфологизм в подходе к искусству, ибо, как писал критик, «сущность искусства раскрылась нам так, что не подлежит... суду чистой техники».

Заметим, что М.И. Стеблин-Каменский отмечал: «...Для тех, кто создавал миф (будь он художественным или теоретическим), – он был объективной действительностью и, следовательно, не мог быть ни аллегорией, ни наукой, ни архетипом, ни структурой» [3, с.30]. Ап. Григорьев пишет, что он хочет «восчувствовать» произведение изнутри, а не быть вне его, восхищаться искусством из его прекрасных исконных глубин, а не наблюдать их со стороны; он хочет ощущать не сделанность, но «живорожденность» произведений. Критик приходит к выводу, что искусству для того, чтобы быть искусством, необходимо иметь жизненно убедительное содержание. Но для того, чтобы в него «поверили, нужно, чтобы мысль приняла тело».

Однако «мысль не может принять тела, если она не рождена, а сделана... т.е. искусственна, как и стремление гетевского героя создать искусственного человека. Мысль, сделанная по частям, подобна Гомункулусу Вагнера (герой «Фауста» Гете). В искусстве Ап. Григорьев видит логику, но только в ее жизненном смысле и потому понимает ее как мифологию. Для него творчество – это «живой фокус высших законов самой жизни» В дальнейшем именно эта идея найдет свое развитие в концепции А. Фрая [4]. В суждениях «органической» эстетики логика без мифологии бессильна, поэтому «значение критики, как одной из жизненных сил..., совершенно несовместимо с понятием о чисто технических задачах».

Ап. Григорьев часто нагромождает категории бытия на понятия об искусстве, в связи с чем жизнь и произведения искусства предстают как некое характерологическое целое. Осмысляя размышления критика, трудно определить, где жизнь, произведение либо их эстетическое воплощение. Это еще раз подтверждает мысль о мифологическом истолковании искусства как нераздельной целостности. Принцип «все – во всем» лежит в основе мифологической концепции критика и определяет его стиль. Многие сущностные понятия и категории, такие как действительность, жизнь, искусство, художественный образ, не имеют четких определений и границ. Стиль Ап. Григорьева можно назвать сущностно-текучим или понятийно-диффузным. А.Ф. Лосев писал: «Текуче-сущностный стиль заключается в постоянном перекрывании одного понятия другим или одного образа или символа другими образами и символами. Это ни в коем случае нельзя считать каким-нибудь недостатком писательской манеры, ни какой-нибудь путаницей. Это есть только результат того, что всякая сущность у него берется не только сама по себе, но почти всегда еще и в своем совпадении с явлением, то есть с проявлением сущности» [5, с.107].

Каждая статья Ап. Григорьева представляет собой экспромт, страстный поток мыслей и чувств, где переходы от одного к другому часто парадоксальны, интуитивны. Так, скажем, статья «О правде и искренности в искусстве» создавалась в острокризисный период жизни критика (крушение надежд на продолжение журнала «Москвитянин», кризис мировоззрения, трагическая любовь). Ап. Григорьев по поводу этой статьи писал: «Статья явилась на свет решительно в муках раскаяния, каким-то неправильно развившимся эмбрионом...» [1, 2, с.260]. Некоторые статьи чрезмерно перегружены; в небольшом очерке решаются сложные теоретические проблемы (например, ст. «Парадоксы органической критики», к которой дан иронический эпиграф: «О чем бишь нечто? Обо всем»). Поток мыслей и чувств может двигаться вне всяких логических связей. Так, в текст статьи «Парадоксы органической критики» внезапно вторгается анализ монографии Гюго о Шекспире.

Вместе с тем Ап. Григорьев иногда отходит от понятийно-диффузного стиля. Очевидным отказом Ап. Григорьева от привычных для него принципов мышления можно считать и «почастое», раздельно-морфологическое восприятие проблемы творческой индивидуальности писателя. Так, в статье «О комедиях А. Островского и их значении в литературе и на сцене» критик пишет, что оригинальность художественного облика драматурга складывается из 1) новаторского содержания его произведений; 2) «новости отношения автора к изображаемому им быту и выводимым лицам»; 3) новаторства «манеры изображения» и 4) своеобразия языка «в его цветистости, особенности».

Ведущим тезисом его статей было положение о том, что «художник всегда выражает в творении внутреннее бытие свое». Бесспорно, эта теоретическая посылка противоречила «смирненскому» пафосу «органической критики», стремившейся растворить индивидуальность художника в телесной предметности бытия. Подобных отступлений от теоретических канонов у Григорьева много. И даже если он и не занимается специальным изучением морфологических аспектов искусства, то его научная память отлично знает такую эстетическую категорию, как мера; не теряет из виду классификацию искусств, произведенную в свое время Лессингом; оперирует понятием о родовых и жанровых образованиях (суждения критика об эпосе, лирике, трагедии, комедии и проч.). Тут же найдем и вполне смелые для Ап. Григорьева высказывания об исторической динамике художественных форм, их изменчивом и прихотливом переосмыслении в различные эпохи. Интересна мысль о том, что критик «должен идти таким путем..., что обязан помнить, как технические требования, требования вкуса в разные эпохи изменялись, как многое, что современники считали у великих мастеров ошибками, потомки признали за достоинство, и наоборот» [1; 2, с.205].

Романтическая интуитивность, стихийность отражалась не только в стиле критика, но и в формах его статей. Как бы вопреки тенденциям времени Ап. Григорьев гипертрофировал синтетическую

диффузность статей В. Белинского. Историзм сочетался у него с нормативными критериями «вечного идеала»; трезвый анализ – с романтическим экстазом, художественный вымысел – с жизненной, бытовой реальностью. Не случайно он называл себя последним романтиком. В жанровом отношении статьи критика могут одновременно сочетать в себе и годовые обозрения, содержащие проблемные экскурсы, и монографические анализы и циклы, в которых есть обозрения и литературные портреты. Широко использовал Ап. Григорьев жанр статьи в виде личного письма («После «Грозы» Островского. Письма к И.С. Тургеневу», «Парадоксы органической критики. Письма к Ф.М. Достоевскому»). Жанр письма соответствовал личностно-романтическому началу критика.

Принцип построения статей критика характеризуется отсутствием плана, логики. Н. Страхов писал, что, «начиная свою статью, он никогда не знал ее конца» [6, с.15]. Так, например, статья о И. Тургеневе «И.С. Тургенев и его деятельность» была задумана в двух частях, ибо после второй части было написано «окончание», но затем появилось еще две части, которые были написаны экспромтом, переходы от одной части к другой неожиданны, части несоразмерны. Ап. Григорьев как бы «забывал о задачах статьи» и размышлял о явлениях, не имеющих отношения к теме. Статья превращалась в бесконечную «беседу или речь». Таковы статьи об А. Пушкине, И. Тургеневе, А. Островском. Мысль критика развертывается по концентрическим кругам, с частыми повторами, риторическими вопросами. Этими особенностями отличается статья «Горе от ума». Работа представляет сложную конструкцию, подчас хаотическую, где наличествуют множественные повторения (например, об отношении В.Г. Белинского к произведению А. Грибоедова «Горе от ума», собственные этические оценки «большого света», размышления о героизме Чацкого и подобном типе человека в литературе и т. д.).

Особенность стиля Ап. Григорьева воплотилась в его лексике. Частыми являются такие эпитеты, как «живорожденный», «допотопный», которые применялись как при оценке эстетических понятий, так и художественных текстов. Оригинальными были сравнения критика. Как известно, сравнения широко использовал В. Белинский, превращая их в развернутые картины, целые аллегории. У Ап. Григорьева есть как сравнения, традиционные для литературной критики середины XIX в., например библейские образы или русские поговорки, так и совершенно оригинальные. Например, характеризуя героя романа Писемского «Тюфяк», Ап. Григорьев пишет: «Человек умный и не бездарный, хоть и медведеватый, как Павел Бешметов, человек, которого коснулись, и даже не поверхностно, а основательно наука, искусство, современное развитие идей, – живет со своим наследственным звериным хвостом, лелеет и холит его, даже нет-нет да обмакнет его, этот драгоценный пушистый хвост в грязную лужу и мазнет им ближнего по физиономии» [1, с.431].

Иногда сравнения Григорьева занимали несколько страниц текста. Таковыми являются сравнения, связанные с оценкой романа И. Тургенева «Дворянское гнездо» (сравнение романа с незавершенной картиной). Однако есть у критика и краткие ироничные сравнения. Так, например, особенности мужских и женских характеров в комедии А. Грибоедова «Горе от ума» сравниваются с кошачьими и собачьими повадками; фигуры на картинах Фра Беато – с «селедками» и т. д.

Ап. Григорьев склонен к повторяемости сравнений. Есть у него сравнения, которые переходят из статьи в статью. Например, «гомункулус Вагнера», «змея, кусающая свой хвост», «сатурн, пожирающий своих детей» и т.д. Иногда Ап. Григорьев переносит концептуальные суждения, подчеркивая их значимость. Особенно часто это связано с рассуждениями о соотношении народного и национального (они полностью переходят из статей о творчестве Островского, созданных в 1850-х годах, в статью «Развитие идеи народности в нашей литературе после смерти Пушкина» (1861) и т.п. Размышления о критике Гегеля и исторической школе, содержащиеся в статье «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» (1858) оказываются затем в статье об А. Пушкине и т.д. Хаотическая экзальтированность идей и чувств Ап. Григорьева являлась причиной усложненности его стиля; порождала сочетание высоких понятий с разговорно-бытовыми оборотами (например, в статье «Горе от ума» сказано: мир, в котором сияет графиня Воротинская... безнаказанно кобянится Софьев... и т. п.). Таким образом, мифологичность критика, бесспорно, оказала влияние на структуру и жанры его статьи. Статьи критика остаются незавершенными, составленными из разных фрагментов. В их основе – интуиция критика, культ «непосредственности», чувственности восприятия.

Источники и литература

1. Григорьев Ап. Сочинения: В 2-х т. – Спб., 1876.
2. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2-х т. – Л.: Эго, 1991.
3. Стеблин-Каменский М.И. Миф. – Л., 1976.
4. Фрай А. Антология критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX в. в. – М., 1987.
5. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. – М., 1986.
6. Страхов Н. Воспоминания об Ап. Григорьеве // Эпоха. – 1864. – Т.9. – С.10-25.

Поступила в редакцию 05.07.2005 г.